

#YOUNG
THRILLER

Ранее в серии вышли

Тотен Т.
ВЗРОСЛЫЕ ИГРЫ

БЕККА ФИТЦПАТРИК

ЧЕРНЫЙ ЛЕД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф64

Becca Fitzpatrick
BLACK ICE

Published by arrangement with the author and InkWell Management
Literary Agency and Synopsis Literary Agency

Дизайн обложки *Екатерины Ферез*

Фитцпатрик, Бекка.

Ф64 Черный лед : [роман] / Бекка Фитцпатрик ; [пер. с англ. П. Волцита]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Серия #YoungThriller).

ISBN 978-5-17-101038-6

Планируя поход в горы, Бритт на самом деле надеялась, что обязательно встретит там своего бывшего, Кэла, и докажет ему, как он ошибся, расставшись с ней. Она даже придумала себе фальшивого дыхателя, который неожиданно поддержал ее игру.

Однако разразившаяся непогода заставила Бритт с подружкой постучаться в чужой дом и воспользоваться гостеприимством привлекательных незнакомцев. Только дом почему-то не производит впечатление обжитого, а страшная находка превращает укрытие в тюрьму, а девушек — в заложниц или будущих жертв.

Напряженный романтический триллер от Бекки Фитцпатрик, автора мегапопулярной саги «О чем молчат ангелы».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101038-6

© 2014 by Becca Ajoy Fitzpatrick
© П. Волцит, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», издание
на русском языке, 2016

*Райли и Джейсу,
рассказывающим мне истории*

Апрель

Ржавый «Шеви»-пикап со скрежетом остановился, и Лорен Хантсмен, стукнувшись головой о стекло, проснулась.

Вздвогнув, она несколько раз нетрезво сморгнула. В мозгу кружились обрывки воспоминаний, обломки, из которых — только бы удалось собрать их вместе! — могло еще сложиться что-то целое. Окно в начало сегодняшнего вечера. Но пока осколки разбитого окна валялись на дне трясущейся головы.

Лорен припоминала какофонию музыки кантри, буйное веселье, сводки НБА на экранах поверх голов. Приглушенное освещение. Полки, заставленные дюжинами бутылок, поблескивавших зеленью, янтарем и чернотой.

Чернота.

Она попросила плеснуть ей из той бутылки — от нее приятно кружилась голова. Твердая рука не успела наполнить стопку, как Лорен уже опрокинула ее в глотку.

— Еще одну, — хрипло велела она, стукнув пустой емкостью по стойке.

Лорен вспомнила, как плавно покачивалась, прижимаясь к ковбою, в медленном танце. Как стащила его шляпу — на ней она смотрелась лучше. Черный «стетсон», так шедший к ее коротенькому черному платью, черному пойлу и паршивому черному настроению.

О последнем, к счастью, легко забывается в такой обшарпанной забегаловке, как эта — редкий подарок среди баров в задирающем нос ла-ди-дашном мире долины Джексон-Хоул в Вайоминге, куда она приехала с семьей на отдых. Ей удалось ускользнуть, здесь родители ни за что ее не отыщут, — эта мысль оставалась светлой полосой на горизонте. Скоро она так надерется, что едва ли вспомнит, как они выглядят. Уже сейчас их осуждающие нахмуренные физиономии мелькали в сознании потеками непрсохшей краски, сползающими по холсту.

Краска. Цвет. Искусство. Она пыталась сбежать туда, в мир заляпанных джинсов, перемазанных пальцев и просветленной души, но «предки» тащили ее назад, останавливали. Им не нужен художник-неформал в семье. Им нужна дочь с дипломом Стэнфорда.

Если бы они просто *любили* ее. Тогда бы ей не нужно было носить тесные дешевые одежонки, так бесившие мать, или предаваться страстям, оскорблявшим эгоизм и аристократическую чопорность отца.

Она почти жалела, что матери нет рядом и та не может полюбоваться, как доченька извивается у ноги ковбоя. Как трется бедром о его бедро, шепча ему в ухо самую непристойную похабень, какую только смогла придумать. Они прервались, только когда он пошел к стойке принести ей новый стакан. Лорен могла поклясться, что вкус стал другим. Или она уже так надралась, что ей почудился горький привкус?

Ковбой спросил, не хочет ли она где-нибудь уединиться.

Лорен раздумывала всего мгновение. Если мать не одобрит, значит, ответ очевиден.

Пассажирская дверь «Шеви» распахнулась. Взгляд Лорен на короткое время перестал метаться из сторо-

ны в сторону и сфокусировался на ковбое. Она впервые заметила кривую переносицу — возможно, «трофей», полученный в пьяной драке. Открытие, что у него горячий нрав, по идее, должно было еще сильнее «завести» ее, но — даже странно — она поймала себя на мысли, что предпочла бы подцепить мужика, упражняющегося в сдержанности, а не в инфантильных вспышках. Такого рода «культурное» замечание могла бы отпустить мать. Мысленно высмеяв себя, Лорен списала свою раздражающую разборчивость на усталость. Ей нужно поспать. Немедленно.

Ковбой снял с нее «стетсон» и вернул на свою неряшливую копну русых волос.

— Кто нашел, того и шляпа, — хотела было возмутиться она, но не смогла заставить губы двигаться.

Он поднял ее с сиденья и вскинул на плечо. Платье сзади задралось вверх, но руки отказывались подчиняться, чтобы поправить его. Голова была тяжелой и хрупкой, как одна из хрустальных ваз матери. Удивительно, но едва она об этом подумала, голова чудесным образом прояснилась и как будто поплыла отдельно от тела. Лорен не могла вспомнить, как здесь оказалась. Они приехали на машине?

Девушка устала на пятки ковбойских ботинок, чавкавших по слякоти. Ее подбрасывало на каждом шагу, и от этого начинало тошнить. Жгуче-холодный воздух, смешиваясь с резким озоном сосен, обжигал ноздри. Поскрипывали садовые качели, музыкальная подвеска мелодично позвякивала на ветру во мраке. От этих звуков она вздохнула. Содрогнулась.

Лорен слышала, как ковбой открыл дверь. Она изо всех сил старалась разлепить веки, пытаясь осмотреться. Утром надо будет позвонить брату и попросить заехать за ней. *«При условии, что смогу объяснить, где я»*, — с усмешкой подумала девушка. Брат отвезет ее

домой, ругая за безрассудство и «саморазрушение», но обязательно приедет. Он всегда приезжает.

Ковбой поставил ее на ноги, обхватив за плечи, не давая упасть. Лорен вяло огляделась. Хижина. Он привез ее в бревенчатую хижину. Комнатенку, в которой они стояли, заполняла грубо сработанная мебель из сосны, которая показалась бы жалкой везде, кроме бревенчатого дома. Открытая дверь в дальней части комнаты вела в небольшую кладовку с пластиковыми стеллажами по стенам. Она была практически пустой — только какой-то непонятный шест от пола до потолка и направленная на него камера на треноге.

Несмотря на туман в голове, Лорен почувствовала, как страх медленно забирает ее в тиски. Нужно выбраться отсюда. Здесь что-то не так.

Но ноги не двигались.

Ковбой прислонил девушку к шесту. Едва он выпустил ее, и Лорен осела на пол. Туфли на шпильках соскочили с разъехавшихся ног. Она была слишком пьяной, чтобы снова встать. Кружилась голова, девушка моргала слипавшимися веками, пытаясь найти дверь, которая бы вела из кладовки. Чем больше она пыталась сосредоточиться, тем быстрее вращалась комната. Ее вывернуло — Лорен успела наклониться в сторону, чтобы не запачкать одежду.

— Ты оставила это в баре. — Ковбой надвинул ей на голову бейсболку с «Кардиналами»¹ — подарок брата в честь поступления в Стэнфорд несколько недель назад. Наверное, родители подговорили. Подарок прибыл подозрительно быстро после того, как она объявила, что не станет там учиться — и в любом другом

---

¹ Распространенное прозвище спортивных команд Стэнфордского университета. Дано за красный цвет логотипа и др. университетской символики.

колледже. Задыхаясь от гнева, отец так покраснел, что у него чуть пар из ушей не пошел, как в мультике.

Ковбой стащил с ее шеи золотую цепочку, грубо, через голову, царапнув кожу на щеке своими шершавыми пальцами.

— Ценный? — спросил он, разглядывая медальон в форме сердечка.

— Мой, — просительно пролепетала она. Пусть забирает свой вонючий «стетсон», но медальон — ее: двенадцать лет назад родители подарили его в день первого выступления дочери в балетной студии. Тогда они в первый и последний раз одобрили хоть какое-то ее начинание. И теперь медальон служил напоминанием о том, что где-то в глубине души отец и мать все-таки любили дочь. Во всем остальном, что не касалось занятий балетом, она удостаивалась лишь приказов, понуканий, и все ее детство было отлито в форму их убеждений.

Два года назад, когда Лорен исполнилось шестнадцать, у нее прорезались собственные желания. Живопись, театр, инди-оркестры, провокационные современные танцы-импровизации, сборища политиков и интеллектуалов (*не хиппи!*), оставивших колледжи в поисках альтернативного образования, и парень с блестящими извращенными мозгами, который курил травку и исписывал стихами стены церквей, садовые скамейки, машины и ее изголодавшуюся душу.

Родители не скрывали отвращения к новому образу жизни дочери. Вводили комендантский час и бесчисленные правила, укрепляли стены ее темницы, выдавливали дыхание жизни из ее груди. Открытое неповиновение — все, что Лорен могла придумать в ответ. Сама плакала, закрывшись в комнате, когда бросила балет, но надо же было сделать им больно. Она не позволит родителям выбирать только те кусочки себя,

которые они согласны любить. Либо она вся, безраздельно и безусловно — их, либо полностью для них потеряна. Таковы ее условия. И в восемнадцать решение Лорен оставалось твердым, как сталь.

— Мой, — повторила она, собрав все силы, чтобы вытолкнуть из себя одно слово. Нужно вернуть медальон и убраться отсюда. Это она понимала. Но ее поразило какое-то странное искажение восприятия: она глядела на мир, не ощущая эмоций.

Ковбой повесил медальон на дверную ручку и грубой веревкой связал девушке запястья. Лорен вздрогнула, когда он рывком затянул узел. «Он не может так поступать со мной, — бесстрастно подумала она. — Я пошла с ним добровольно, но не соглашалась на такое».

— Меня... отпусти, — выдавила она. Жалкое, неубедительное требование заставило ее щеки вспыхнуть от унижения. Она любила правильную речь: слова тщательно подобраны, крепко сбиты, красивые, яркие, мощные; как ей хотелось сейчас извлечь все эти слова из кармана, но, потянувшись за ними, она обнаружила лишь оборванные нитки — дырку. Все вываливалось из ее одурманенной головы.

Лорен бессмысленно дернулась вперед. Ковбой привязал ее к столбу. Как же ей теперь вернуть медальон? Мысль, что он для нее потерян, обожгла грудь, оставив внутри глубокую царапину страха. Только бы брат перезвонил. Она оставила ему сообщение, что собирается сегодня вечером выпить, — в качестве проверки. Лорен постоянно — почти каждые выходные — проверяла его, но сейчас он впервые не ответил. Ей хотелось знать, что она ему небезразлична, что он попытается убедить ее не делать глупостей.

Или он, наконец, махнул на нее рукой?

Ковбой пошел к выходу, у двери насмешливо приподнял шляпу, самодовольно и алчно оглядев ее. Лорен

осознала всю чудовищность своей ошибки. Она ему даже не нравилась! Он что, собирается шантажировать ее компрометирующими фотографиями? Для того и камера? Должно быть, негодяй знает: родители заплатят любые деньги.

— У меня есть для тебя сюрприз в сарае за домом, — протянул он. — Никуда не уходи, слышишь, детка?

Дыхание Лорен стало быстрым и беспорядочным. Ей хотелось сказать ему все, что она думала о его «сюрпризе». Но веки бессильно опускались, и каждый раз поднять их требовало все больше усилий. Она заплакала.

Лорен и раньше случалось напиваться, но так — никогда. Поденок явно опоил ее, должно быть, подсыпал что-то в ее стакан, лишив сил и воли к сопротивлению. Девушка стала перетирать веревку о шест. Попыталась. Все тело тяжело от сонливости. Нужно сопротивляться. Когда он вернется, наверняка случится что-то ужасное — нужно заговорить ему зубы, помешать...

Темный силуэт нарисовался в дверях быстрее, чем она ожидала. Свет в комнате, падавший на него сзади, отбрасывал на пол кладовки тень вдвое выше ростом. Теперь он был без «стетсона» и казался крупнее, чем ей запомнилось, но не это приковало внимание Лорен — его руки. Мужчина резко дергал ими натянутую веревку, проверяя, выдержит ли.

Подойдя к ней, он трясущимися руками обхватил веревкой шею девушки. Стоя за ее спиной, притянул к шесту. Из глаз посыпались искры — так сильно он дернул. Лорен поняла, что он нервничает из-за возбуждения — она чувствовала, какой жадной дрожью бьется его тело, слышала прерывистое хриплое дыхание, все убабравшееся, но не от напряжения — от адреналина. Живот скрутило страхом — он наслаждается

всем этим. Уши девушки заполнил незнакомый булькающий звук, и она с ужасом осознала, что это ее голос. Звук, казалось, напугал его: он выругался и натянул веревку сильнее.

Лорен завопила, снова и снова — крик рвался наружу, но оставался в ней. Она беззвучно кричала, а веревка давила все туже, подтягивая ее к смертному краю.

Ему не нужны фотографии. Он хотел ее убить.

Она не позволит этому ужасному месту стать ее последним воспоминанием. Закрыв глаза, Лорен погрузилась во мрак.

Глава 1

Год спустя

Если и умру, то уж точно не от переохлаждения. Так я решила, запихивая и пристегивая ремешками спальник на гусином пуху в багажник своего джипа *Wrangler* — в дополнение к пяти мешкам экипировки, флисовым и шерстяным одеялам, шелковым вкладышам, химическим грелкам и «пенкам». Убедившись, что за три часа езды до Айдлвайлда ничего не вывалится, я захлопнула заднюю дверь и вытерла руки о шорты.

Мобильник нежно запел голосом Рода Стюарта «Если хочешь мое тело»¹, но я не стала отвечать сразу, чтобы успеть подпетть ему: «и считаешь меня сексуальным». На другой стороне улицы миссис Притчард с грохотом захлопнула окно гостиной. Не могла же я, в самом деле, допустить, чтобы такой чудесный сигнал вызова пропал впустую!

— Привет, малышка, — бросила Корби, лопнув пузырь жвачки прямо в трубку. — Мы по плану или как?

— Небольшая проблема: в машине маловато места, — сообщила я с театральным вздохом. Мы с Корби дружили уже целую вечность и стали почти как сестры. Поддразнивание было одним из любимых наших развлечений. — Упихнула спальник и одежду, но

---

¹ *Da Ya Think I'm Sexy?* (1978)